

Научная статья
УДК 811.1/.8
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-159-165
EDN: GKFCRQ

Проблема определения оценочной доминанты смешанной эмоции

Алексей Андреевич Штеба

Кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». 400005, Волгоград, пр. имени В.И. Ленина, д. 27
alexchteba@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0067-8204>

Аннотация. В статье рассматривается проблема языковой категоризации смешанных эмоций, под которыми предложено понимать, такие случаи вербализации эмоционального переживания, когда в единое линейное целое объединяются две и более номинации как моно-, так и поли-, амбицентрических эмоциональных состояний/переживаний. Смешанные эмоции рассматриваются как новый предмет исследования эмотивной лингвистики, поскольку по своим формальным и содержательным признакам языковая категоризация смешанных эмоций отличается от устоявшейся в современной лингвистике парадигмы эмотивности и средств ее экспликации. Проблема смешанных эмоций не становилась объектом самостоятельных исследований в лингвистике или психологии. Однако положение о двойственности и амбивалентности любой эмоции является базовым в психологии. В литературоведении также уделяется внимание проблеме экспликации смешанных чувств/эмоций, но отдельный анализ структурных, композиционных, функциональных и пр. особенностей смешанных эмоций не проводится. Следует также указать на то, что терминологический подход к проблеме смешанных эмоций, их языкового воплощения затруднен по причине узуального и интуитивно понятного характера самого определения. В аспекте анализа доминанты смешанной эмоции лежит принцип Поллианны, объясняющий причину асимметрии отрицательной и положительной оценки в языке и речи. Формулируется предположение о том, что ситуативной доминантой смешанной эмоции, несмотря на ее суммативную природу, является постпозитивный элемент. Препозитивный элемент смешанной эмоции соответствует позиции темы, а постпозитивный – ремы, на когнитивном уровне в смешанной эмоции совмещается собственной эмоциональная и рациональная оценка некоего события, действия, поступка. На примере перевода фрагментов текстов, содержащих случаи языкового выражения смешанных эмоций, подтверждается тезис о том, что смешанные эмоции относятся к пространству неопределенной эмотивности, когда неизменной при переводе остается только оценка, а конституирующие смешанную эмоцию элементы варьируются.

Ключевые слова: смешанные эмоции; эмотивность; языковая категоризация эмоций; принцип Поллианны; доминанта; флукуативность; эмоционально-смысловой потенциал

Для цитирования: Штеба А. А. Проблема определения оценочной доминанты смешанной эмоции // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 159–165. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-159-165>. <https://elibrary.ru/GKFCRQ>

Original article

Determining the evaluative dominance of a mixed emotion

Alexey A. Shteba

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of Romance philology, Volgograd State Pedagogical University. 400005, Volgograd, Lenin Ave., 27
alexchteba@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0067-8204>

Abstract. The article deals with the linguistic categorization of mixed emotions, by which it is proposed to understand such cases of verbalizing emotional experience, when two or more nominations of mono-, poly- and ambi-centric emotional states/experiences are combined into a single linear whole. Mixed emotions are considered as a new subject of emotive linguistics research, since the linguistic categorization of mixed emotions differs in its formal and substantive features from the established paradigm of emotivity and means of its explication in modern linguistics. The problem of mixed emotions has not become an object of independent research in linguistics or psychology. However, the position of duality and ambivalence of any emotion is basic in psychology. In literary studies, attention is also paid to

the problem of explication of mixed feelings / emotions, but a separate analysis of the structural, compositional, functional, etc. features of mixed emotions is not carried out. It should also be pointed out that the terminological approach to the problem of mixed emotions and their linguistic embodiment is difficult due to the usual and intuitively clear nature of the definition itself. The aspect of the mixed emotion dominant analysis is based on the Pollyanna principle, which explains the reason for the asymmetry of negative and positive evaluation in language and speech. The author formulates the assumption that the situational dominant of a mixed emotion, despite its summative nature, is the post-positive element. The prepositive element of a mixed emotion corresponds to the position of the theme, and the postpositive element corresponds to the rheme; at the cognitive level, the mixed emotion combines its own emotional and a rational evaluation of a certain event, action, or behavior. The example of the translation of text fragments containing linguistic expression of mixed emotions confirms the thesis that mixed emotions belong to the space of indefinite emotivity, when only the evaluation remains unchanged during translation, and the elements constituting the mixed emotion vary.

Key words: mixed emotions; emotivity; linguistic categorization of emotions; Pollyanna principle; dominant; fluctuation; emotional and semantic potential

For citation: Shteba A. A. Determining the evaluative dominance of a mixed emotion. *Verhnevolszski philological bulletin.* 2022;(2):159–165. (In Russ <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-159-165>. <https://elibrary.ru/GKFCRQ>

*У любви не бывает причин, это верно, человек любит, и
все;
но всякая любовь бывает как-то окрашена.
Ты любишь, и при этом тебе грустно, или весело, или
тревожно,
ты можешь быть доверчив, а можешь быть ревнив,
в общем, за любовью всегда есть что-нибудь еще*

А. Моравиа. Скука

Введение

Смешанные эмоции как один из способов экспликации эмоциональных переживаний имеет достаточно разнообразные формы языкового воплощения. В первую очередь, сущностной характеристикой любой эмоции выступает ее потенциальная амбивалентность. Данная категориальная особенность эмоции совмещается с безграничным эмоционально-смысловым потенциалом любого слова.

В компонентном составе слова имеются обличительные семы ‘эмоция’ и ‘оценка’, которые либо относятся к ядерной, либо к периферийной зонам. При этом расположение сем ‘эмоция’ и ‘оценка’ в ядерной зоне семантики слова (к примеру, когда речь идет об эмоциях в статусе аффектива или коннотатива) не исключает возможности актуализации у данного слова дополнительной скрытой эмотивности на основе аналогичных сем ‘эмоция’ и ‘оценка’, относящихся к периферии. Данное положение обуславливает безграничные эмоционально-смысловые модуляции слова.

Методология исследования

Поскольку эмотивность являет собой семантическую категорию, в работе значимы достижения в области лексической семантики, в частности, постулируется тезис о том, что в компонентном составе любой лексической единицы представле-

ны семы ‘эмоция’ и ‘оценка’. Последние могут быть ингерентными и адгерентными, когда ингерентный (внутренний) статус эмотивности может быть изменен посредством наведения в семантику слова внешних эмосем (адгерентных) [Шаховский, 2008, 2016, 2019; Арнольд, 1999; Филимонова, 2007; Вольф, 2019; Смирнова, 2013]. В качестве специальных методов, используемых при проведении исследования, следует выделить компонентный, дистрибутивный, контекстуальный анализ, а также элементы конверсационного анализа в ситуации наблюдения за эмоциональным реагированием коммуникативных партнеров при анализе диалогических единств. Известно, что аффективы (подробнее о классификации эмотивов см.: [Шаховский, 1988]), к которым относятся бранные слова и междометия, могут терять свою воздействующую составляющую, что вынуждает говорящего использовать иные более экспрессивные способы выражения эмоционального состояния/переживания/отношения. А. А. Потехня указывал, что «междометие уничтожается обращенной на него мыслью» [Потехня, 1999, с. 83], реакцией на подобную привычность и осознанность использования междометия становится появление новых междометий, расширяющих парадигму обозначения одной и той же эмоции.

Обзор научной литературы

Проблема языковой категоризации смешанных эмоций еще не становилась предметом отдельных самостоятельных исследований. Исключение составляют единичные работы [Варзаева, 2012; Варзаева, 2013; Карловская, 2009; Борисова, 2003; Могутова, 2002; Орлова, 2009 и др.], затрагивающие проблему множественности, двойственности, амбивалентности эмоционального, а также спосо-

бы выражения данных характеристик. Прежде чем рассмотреть подробнее особенности языковой категоризации смешанных эмоций, нужно указать на то, что любое слово потенциально является эмотивом, эмоционально-оценочная составляющая которого вариативна, множественна. Любое слово, как следствие, является скрытой смешанной эмоцией, не получившей экспликации. В пьесе Э. Йонеско «Лысая певица» имеется следующий фрагмент: одна из главных героинь предлагает рассказать своим собеседникам поразивший ее случай, свидетелем которого она стала. Другие действующие лица со свойственным жанровой организации произведения воодушевлением охотно соглашаются выслушать г-жу Мартин (далее приводится перевод Е. А. Суриц данного фрагмента пьесы с сокращениями): *Так вот, значит, иду я сегодня на рынок купить овощей, а они все дорожают... (...) И вдруг вижу возле кафе прилично одетого господина лет пятидесяти, и он... (...) Ну вот, вы скажете, что я сочиняю. Он опустил на колено и нагнулся. (...) Я подошла поглядеть, что же такое он делает... (...) Он завязывал шнурки. Они у него развязались.* Внимание привлекают реплики других персонажей произведения, эмоционально реагировавших на достаточно банальное и едва ли заслуживающее внимание событие:

Миссис Мартин. Ну вот, вы скажете, что я сочиняю. Он опустил на колено и нагнулся.

Мистер Мартин, мистер Смит, миссис Смит. О-о!

Миссис Мартин. Да, нагнулся.

Мистер Смит. Невероятно!

Миссис Мартин. Да, он нагнулся... Я подошла поглядеть, что же такое он делает...

Мистер Смит. И что же?

Миссис Мартин. Он завязывал шнурки. Они у него развязались.

Трое остальных. Фантастика!

Мистер Смит. Если б это не вы, я б ни за что не поверил!

В представленном примере интересна не только девербализация, но и, как следствие, деэмоционализация слова, когда эмоциональная составляющая нейтрализуется и лексическая единица, служащая для выражения эмоционального отношения, лишается своей единственной функции, а эмотивность слова нейтрализуется.

В следующем примере положительный коннотатив *отец* также теряет свою эмоционально-оценочную составляющую:

- Я твой отец, мальчуган! – И когда Дядёк выговорил эти слова, сердце у него всполошилось, как пожарный колокол.

Хроно и бровью не повел.

- И что с того? – сказал он с леденящим безразличием. <...> На Марсе это слово было эмоционально стерильным (К. Воннегут).

Поскольку в данном примере представлено восприятие слова отец жителями другой планеты, когда в данной фикциональной реальности родственные отношения не являются значимыми, у слова теряется внутренняя форма, а именно последняя направляет мысль адресата, дает способ развития значений, оставляя интерпретативное поле максимально свободным [Потебня, 2019, с. 162].

Отличительной характеристикой смешанных эмоций является то, что данный способ выражения эмоционального переживания предполагает объединение в линейное целое двух и более номинаций эмоций.

В сердце юноши кипела ревность и бешеная ненависть к чужаку, который, как ему казалось, встал между ним и сестрой (О. Уайлд).

Внутри Маргарет-кочаммы горе и ярость из-за смерти дочери лежали свернутые, как злая пружина (Р. Арундати).

Ослепительно яркие голубые глаза Кодуэлла взирали на меня сейчас с убийственной смесью недоверия и презрения (Ф. Ротт).

При этом данные эмоции могут быть как моно-, так и поли-, а также амбивалентными.

И поволок Педро за собой. Тот не сопротивлялся, лицо его выражало и испуг и радость (Ж. Амаду).

Обо всем этом вспоминал Тертулиано Максимо Афонсо, в душе которого боролись восхищение, неприязнь и опасная нежность (Ж. Сарамга).

Еще совсем недавно, по ту сторону страха и отчаяния, они были тверды как скала, и это давало тупую силу их упорству (Э. М. Ремарк).

Я не имею в виду память об отце. Я имею в виду все остальное – страх, безнадежность, ненависть (Э. М. Ремарк).

Анализ собранной картотеки примеров показывает, что кластеры смешанных эмоций с положительно-оценочными эмоциональными доминантами характеризуются сравнительно большей амбивалентностью (к примеру, 'радость + ужас, печаль, горечь, грусть'; 'удивление + отчаяние, отвращение, насмешка'). Смешанным эмоциям с отрицательно-оценочной эмоциональной доми-

нантой свойственна интенсификация превалирующей оценки ('страх + отчаяние, гнев, ненависть, зависть, презрение, злость'; 'гнев + огорчение, страх, ужас, отчаяние, грусть'). Количественно отрицательные смешанные эмоции частотнее, чем положительные. Данные наблюдения подтверждают положение об асимметрии положительной и отрицательной оценки в языке [Ионова, Штеба, 2019].

На когнитивном уровне для человека более значимыми являются отрицательно-оценочные события, поскольку последние связаны со страхом, опасностью, тогда как положительные представляются менее стрессогенными (ассоциации с безопасностью, защищенностью). Соответственно, большее внимание уделяется отрицательным, а не положительным событиям [Liebrecht et al., 2019, p. 171–173]. Отрицательная оценочность воспринимается как более сильная по сравнению с положительной, при этом интенсивность вследствие присоединения к положительно- или отрицательно-оценочным лексическим единицам разного рода качественных атрибутов воспринимается как более активная у положительных, но не отрицательных слов [Idem, p. 181].

Согласно принципу Поллианны [Boucher, Osgood, 1969] отрицательно оценочные высказывания воспринимаются как более сильные, экспрессивные, воздействующие, чем положительные. Данный принцип заключается в том, что человек на подсознательном уровне активнее реагирует на положительные события, однако на сознательном уровне – акцентирует внимание преимущественно на негативных событиях (вероятно, по причине уже указанной ранее связи отрицательно-оценочных ситуаций со страхом, незащищенностью, опасностью).

Интересно, что в смешанной эмоции также выделяется две составляющие, при этом линейно постпозитивная часть смешанной эмоции либо амбивалентна (со знаком 'минус'), либо интенсивнее препозитивной (например, любовь и ненависть, радость и грусть, страх и ужас). Как следует из принципа Поллианны, на подсознательном уровне человек стремится к позитивизации, окружению себя положительно-оценочными событиями, но на сознательном – фокусируется на негативных событиях, поскольку подобная ориентация на отрицательные события позволит либо лучше к ним подготовиться, либо избежать их и, в итоге, остаться в комфортном пространстве положительного.

В статье [Baumeister, et al., 2001] приводятся

аргументы в доказательство гипотезы о превалировании отрицательно-оценочного на примере реакций на информацию, память, социальные отношения, развитие ребенка, учебу, эмоции и пр. У человека развита большая адаптивность к отрицательному, чем к положительному. Люди, которые ведут себя неприятно, вызывают активные отрицательные реакции окружающих, когда обратное положение не является верным. Поскольку отрицательные эмоции сильнее и важнее (в частности, для выживания), они должны быть более репрезентативными в языке. Как следствие, в языке содержится больше слов для отрицательных эмоций, чем для положительных [Idem, p. 331]. Показано, что респонденты, которым предлагалось составить список наиболее частотных эмоций, включали в данный перечень преимущественно номинации отрицательных эмоций.

Результаты исследования

Представленные выше наблюдения о природе отрицательной и положительной оценки отсылают к магической функции языка, которая опирается на веру человека в то, что слово (устное или письменное) представляет собой обязательную часть обозначаемого предмета, а значит, воздействуя на слово, человек воздействует и на предмет [Киклевич, 2009, с. 8]. Парадокс заключается в том, что, с одной стороны, человек пытается избежать использования некоторых слов, руководствуясь принципом воздействия словом на предмет, т.е. активизацию данного предмета, но, с другой, используя синоним, увеличивает парадигму лексических единиц, включенных в лексико-семантическое поле с доминантой в форме табуированного элемента.

Несмотря на то, что преимущественно смешанные эмоции характеризуют отрицательные эмоциональные переживания, проблемным остается вопрос о доминанте смешанной эмоции. Следует отметить, что смешанная эмоция – суммативное образование, в котором сумма больше его частей. Однако в случае, если говорящий характеризует свое состояние как смешанную эмоцию любви и грусти, неопределенной является оценочная доминанта. Согласно теории актуального членения предложения, последнее обладает шкалой коммуникативного динамизма:

Разумеется, воздух, что же еще! – сказал он, смешивая жалость с презрением (Э. М. Ремарк).

Постпозитивный элемент данного примера является собой, в широком смысле, рему приведенно-

го примера. Однако сам по себе данный рематический блок может быть разделен на подблоки, состоящие из темы («смешивая»), перехода темы («жалость») и ремы («презрение»). Предложения развертываются линейно по принципу от общего к частному, соответственно первый элемент средства выражения смешанных эмоций должен рассматриваться как тема, второй – переход темы, то есть на данном этапе говорящий понимает, что переживаемое им эмоциональное состояние характеризует комплексность, многокомпонентность. Результатом экспликации смешанных эмоций становится создание нового противоречивого целого, в котором один из элементов относится к сфере когниции (осознанности), а другой – непосредственной переживаемости [Штеба, 2020].

На примере языковой категоризации смешанных эмоций можно показать, что в ее структуре совмещается эмоциональный и рациональный компоненты (собственно бессознательный и осознанный) с тяготением к полюсу отрицательных эмоций. Феномен смешанных эмоций и их языковой категоризации относится к парадигме когнитивной сложности по ряду таких факторов, как нелинейность, противоречивость, системность, данность восприятию, но неданность определенному языковому выражению. В смешанных эмоциях мы видим процесс усложнения отражения эмоций в языке, что сопровождается модуляциями конвенциональной системы экспликации эмоций.

Такие особенности смешанных эмоций, как их суммативность, динамичность, амбивалентность, неопределенность, приводят к трудностям интерпретации и декодирования не только в аспекте повседневной коммуникации, но и на практическом уровне, к примеру, при переводе текстового фрагмента, содержащего смешанную эмоцию, с одного языка на другой. Так, в романе Фр. Кафки «Триумфальная арка» смешанная эмоция *ужаса и утешения* (*Vergessen. Welch ein Wort. Voll von Grauen, Trost und Gespensterei!*) на английский (*Forget. What a word, he thought. Full of horror, comfort, and apparitions!*) и русский язык (*Забывать... Какое слово! В нем и ужас, и утешение, и обман!*) переведены аналогичным образом. В другом романе Фр. Кафки («Пропавший без вести (Америка)») смешанная эмоция *бешенства и стыда* (*Katze, tolle Katze, konnte Karl gerade noch aus dem Durcheinander von Wut und Scham rufen, in dem er sich befand*) на английский язык переведена как смешанная эмоция *ярости и стыда* («*Cat, wild cat,*» *Karl was able to cry out in the*

muddle of rage and shame he found himself in. «You're crazy, you wild cat»), а на русский – *бесулия, ярости и стыда* (*С ума сошла!? Вот бешеная! – только и смог выдать Карл, испытывая бесулие, ярость, стыд – все вместе*). Смешанная эмоция гневного отчаяния (*Ihre Augen waren hell und groß in dem blassen Gesicht und wie erstarrt in einer zornigen Verzweiflung*) на русский язык переведена через смешанную эмоцию *гнева и отчаяния* (*на бледном лице ее светлые глаза казались огромными, гнев и отчаяние застыли в них*), а на английский – *яростного отчаяния* (*Her eyes were light and large in her pale face and as though fixed in a furious desperation*). В романе К. Исигуро «Погребенный великан» смешанная эмоция *ободрения, возбуждения и страха* (*Axl had felt, almost tangibly, the peculiar mix of comfort, excitement and fear such a movement could bring*) переведена на русский через смешанную эмоцию *спокойствия, возбуждения и страха* (*Аксель почти физически ощутил особую смесь спокойствия, возбуждения и страха, которую могло вызвать такое движение*). В романе А. Моравиа «Презрение» смешанная эмоция *любви, восхищения, благодарности и влюбленности* (*Allora, guardando quel viso, mi colpì l'espressione degli occhi: amorosa, struggente mescolata di ammirazione soggetta, di gratitudine senza riserve, di invaghimento fisico e di una quasi*) переведена через смешанную эмоцию *восхищения, признательности, влечения и робости* (*Я взглянул на нее, и меня поразило выражение ее лица: в глазах светилась самозабвенная любовь, к которой примешивалось безграничное восхищение, беспредельная признательность, чувственное влечение и почти меланхолическая робость*), при этом каждая номинация эмоциональных переживаний внутри смешанной эмоции получает дополнительную качественную характеристику (*безграничное восхищение, беспредельная признательность, чувственное влечение, меланхолическая робость*). В оригинале А. Моравиа также прибегает к использованию эпитетов к номинациям эмоций, но их содержание отличается от перевода (например, *пронзительная любовь, покоренное восхищение*). В другом примере смешанная эмоция *нерешительности, мольбы и отвращения* (*Ma, nuova sensazione che soltanto adesso, scrivendone, mi torna alla memoria, una volta seduta accanto a Battista, con lo sportello ancora aperto, ella mi guarda con occhi irresolute, mescolati di preghiera e di ripugnanza*) переводится на русский как смешанная эмоция *растерянности, мольбы, упрека и отвращения* (*Сидя рядом с Баттистой,*

еще не захлопнув дверцы, она смотрит на меня, и я вижу в ее растерянном взгляде то, что было нечто совсем новое, но осознал я это только теперь, когда пишу эти строки, мольбу, упрек, смешанные с отвержением).

Из представленных примеров переводов слушаев языкового выражения смешанных эмоций на материале разноструктурных языков, когда эмоция является выражаемой, но не выразимой, следует, что в переводах сохраняются эмоционально-оценочные границы смешанного эмоционального переживания и эмоциональная доминанта, но внутри данных границ сами эмоции, как правило, варьируются, изменяют свою интенсивность и активность, что подтверждает как некодифицированный характер языковой категоризации смешанных эмоций, так и отсутствие эталонности восприятия и языкового выражения эмоций.

Заключение

Смешанные эмоции представляют собой когнитивно сложный прием экспликации эмоциональных переживаний, в которых один из элементов относится к сфере эмоционального, непосредственно ощущаемого, а второй – рационального. Данные элементы предложено выделять на основе принципа тема-рематической организации высказывания, где первый элемент смешанной эмоции относится к теме, а второй – реме. Высокая частотность амбивалентных и отрицательно-оценочных смешанных эмоций обусловлена асимметрией положительной и отрицательной оценочности в языке. Несмотря на попытки определения доминанты смешанной эмоции, следует подчеркнуть, что категориальными характеристиками смешанной эмоции выступают сложность, суммативность, гибкость, динамичность, множественность и неопределенность. Неопределенная эмоционально-смысловая составляющая смешанных эмоций продемонстрирована на основе анализа переводов фрагментов текстов, содержащих случаи экспликации смешанных эмоций, на разных языках, где сохраняется общая оценка, а конститутивные элементы смешанной эмоции рекуррентно варьируются.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. Санкт-Петербург: Изд-во С-Петерб. ун-та, 1999. 444 с.
2. Борисова И. В. Семантика эгоцентрических категорий: *liebe, hass* и их актуализация в немецком языковом сознании. Абакан, 2003. 24 с.
3. Варзаева М. А. Освоение теории «смешанных ощущений» в творчестве В. А. Жуковского // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. Сер. Филология. С. 218–221.
4. Варзаева М. А. Способы образования «смешанных эмоций» в элегиях В. А. Жуковского, объединенных мотивами разочарования и мимолетности юности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 1 (19). С. 39–42.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Москва: Либроком, 2019. 278 с.
6. Ионова С. В., Штеба А. А. Смешанные эмоции: к вопросу о лингвистической репрезентации и мета-языке описания // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (40). С. 63–81.
7. Карловская В. Н. Репрезентация полярных эмоций в художественном тексте (на материале современной англоязычной прозы). Санкт-Петербург, 2009. 21 с.
8. Киклевич А. К. Двенадцать функций языка // Мир русского слова. 2009. № 3. С. 5–13.
9. Могутова Н. В. Основные проблемы использования эмотивных языковых единиц для придания высказыванию естественности и эмоциональности (на примере английских междометий) // Язык, коммуникация и социальная среда: вып. 2. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2002. С. 88–93.
10. Орлова Н. Н. Языковые средства выражения эмоций: синтаксический аспект. Ростов-на-Дону, 2009. 22 с.
11. Потемня А. А. Мысль и язык. Москва: Лабиринт, 1999. 300 с.
12. Смирнова Л. Г. Лексика русского языка с оценочным компонентом значения. Смоленск, 2013. 610 с.
13. Филимонова О. Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: учебное пособие. Санкт-Петербург: ООО «Книжный Дом», 2007. 448 с.
14. Шаховский В. И. Голос эмоций в языковом круге *homo sentiens*. Москва: URSS, 2019. 144 с.
15. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка (на материале англ. языка). Москва, 1988. 402 с.
16. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. Москва: Гнозис, 2008. 416 с.
17. Шаховский В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. Москва: URSS, 2016. 128 с.
18. Штеба А. А. Когнитивная сложность языковой категоризации смешанных эмоций // Известия ВГПУ. 2020. № 10 (153). С. 147–150.
19. Baumeister R. F., Bratslavsky E., Finkenauer C., Vohs K. D. Bad is stronger than good // Review of General Psychology. 2001. Vol. 5. No. 4. P. 323–370
20. Boucher J., Osgood C. The Pollyanna hypothesis // Journal of Verbal and Learning Behavior. № 8 (1). 1969. P. 1–8.
21. Liebrecht Ch., Hustinx L., van Mulken M. The Relative Power of Negativity: The Influence of Language Intensity on Perceived Strength // Journal of Language and Social Psychology 2019. Vol. 38(2). P. 170–193.

Reference list

1. Arnol'd I. V. Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost' = Semantics. Stylistics. Intertextuality. Sankt-Peterburg : Izd-vo S-Peterb. un-ta, 1999. 444 s.
2. Borisova I. V. Semantika jegocentricheskikh kategorij: liebe, hass i ih aktualizacija v nemeckom jazykovom soznanii = Semantics of egocentric categories: liebe, hass and their actualization in German consciousness. Abakan, 2003. 24 s.
3. Varzaeva M. A. Osvoenie teorii «smeshannyh oshhushhenij» v tvorchestve V. A. Zhukovskogo = Exploring the theory of «mixed feelings» in V. A. Zhukovsky's works // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2012. № 4. Ser. Filologija. S. 218–221.
4. Varzaeva M. A. Sposoby obrazovanija «smeshannyh jemocij» v jelegijah V. A. Zhukovskogo, ob#edinennyh motivami razocharovaniya i mimoletnosti junosti = Ways of forming «mixed emotions» in V. A. Zhukovsky's elegies, united by motifs of disappointment and fleeting youth // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2013. № 1 (19). C. 39–42.
5. Vol'f E. M. Funkcional'naja semantika ocenki = Functional evaluation semantics. Moskva : Librokom, 2019. 278 s.
6. Ionova S. V., Shteba A. A. Smeshannye jemocii: k voprosu o lingvisticheskoj reprezentacii i metajazyke opisaniya = Mixed emotions: on the issue of linguistic representation and metalanguage of description // Voprosy psiholingvistiki. 2019. № 2 (40). S. 63–81.
7. Karlovskaja V. N. Reprezentacija poljarnyh jemocij v hudozhestvennom tekste (na materiale sovremennoj anglojazyčnoj prozy) = Presentation of polar emotions in literary text (based on contemporary English prose). Sankt-Peterburg, 2009. 21 s.
8. Kiklevich A. K. Dvenadcat' funkcij jazyka = Twelve langage functions // Mir russkogo slova. 2009. № 3. S. 5–13.
9. Mogutova N. V. Osnovnye problemy ispol'zovanija jemotivnyh jazykovyh edinic dlja pridaniya vyskazyvaniju estestvennosti i jemocional'nosti (na primere anglijskih mezhdometij) = The main problems of using emotive language units to add natural and emotional character to an utterance (using English interjections as an example) // Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda: vyp.2. Voronezh : Izd-vo VGTU, 2002. S. 88–93.
10. Orlova N. N. Jazykovye sredstva vyrazhenija jemocij: sintaksicheskij aspekt = Linguistic means of expressing emotions: the syntactic aspect. Rostov-na-Donu, 2009. 22 s.
11. Potebnja A. A. Mysl' i jazyk = Thought and language. Moskva : Labirint, 1999. 300 s.
12. Smirnova L. G. Leksika russkogo jazyka s ocenocnym komponentom znachenija = Russian vocabulary with an evaluative component of meaning. Smolensk, 2013. 610 s.
13. Filimonova O. E. Jemociologija teksta. Analiz reprezentacii jemocij v anglijskom tekste = Textual emotionalism. Analyzing emotions in the English text : uchebnoe posobie. Sankt-Peterburg : OOO «Knizhnyj Dom», 2007. 448 s.
14. Shahovskij V. I. Golos jemocij v jazykovom krugе homo sentiens = The voice of emotion in the linguistic circle of homo sentiens. Moskva : URSS, 2019. 144 c.
15. Shahovskij V. I. Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoj sisteme jazyka (na materiale angl. Jazyka) = Categorization of emotion in the lexico-semantic system of the English language. Moskva, 1988. 402 s.
16. Shahovskij V. I. Lingvisticheskaja teorija jemocij = Linguistic theory of emotions. Moskva : Gnozis, 2008. 416 s.
17. Shahovskij V. I. Jemocii: dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologija = Emotions: pre-linguistics, linguistics, linguoculturology. Moskva : URSS, 2016. 128 s.
18. Shteba A. A. Kognitivnaja slozhnost' jazykovoj kategorizacii smeshannyh jemocij = Cognitive complexity of linguistic categorization of mixed emotions // Izvestija VGPU. 2020. № 10 (153). S. 147–150.
19. Baumeister R. F., Bratslavsky E., Finkenauer C., Vohs K. D. Bad is stronger than good // Review of General Psychology. 2001. Vol. 5. No. 4. P. 323–370
20. Boucher J., Osgood C. The Pollyanna hypothesis // Journal of Verbal and Learning Behavior. № 8 (1). 1969. P. 1–8.
21. Liebrecht Ch., Hustinx L., van Mulken M. The Relative Power of Negativity: The Influence of Language Intensity on Perceived Strength // Journal of Language and Social Psychology 2019. Vol. 38(2). P. 170–193.

Статья поступила в редакцию 09.08.2022; одобрена после рецензирования 13.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.

The article was submitted on 09.08.2022; approved after reviewing 13.04.2022; accepted for publication on 28.04.2022